

Если прежде в душе императора Вуле еще теплилась слабая надежда, то теперь, глядя на падение духовной птицы в бездну безумия, он ощутил, как в самой глубине его существа пробуждается первобытный, непреодолимый страх.

Помыслы владыки переменились в одно мгновение.

Духовная птица должна умереть.

Но стоило императору отдать приказ расстрелять Цзюнь Жухэна на месте, как Наследный принц внезапно обнажил свой клинок, заслоняя его собой.

— А-Хэн не чудовище. Он лишь на мгновение потерял рассудок, — не опуская меча, мягко, но твердо произнес Чу Яо. — Прошу отца-императора проявить мудрость.

Вокруг бушевало смятение, лица придворных исказил панический страх. Однако Наследный принц, словно не замечая этого, повернулся к Цзюнь Жухэну. Он взял юношу за руку, успокаивающе сжав его пальцы, а затем на удивление привычным жестом коснулся подбородка, где еще отчетливо проступали темные демонические узоры, и мягко почесал его.

Со стороны это выглядело вовсе не как усмирение разбушевавшегося демона — скорее как ласка прирученной птицы.

Цзюнь Жухэн даже не попытался отстраниться. Он лишь на мгновение прищурился; жажда крови в его взгляде угасла, уступив место детскому, почти наивному недоумению.

В глубине глаз Чу Яо промелькнула едва заметная теплая усмешка.

И все же его движения оставались предельно точными. Сведя вместе указательный и средний пальцы, он коснулся лба юноши. Невесомый холод мгновенно проник под кожу и растекся по черепу, словно ледяная сеть, обуздывающая бушующую духовную силу и остужающая клопочущую ярость.

Взгляд Цзюнь Жухэна сделался совсем кротким, на него приятно было смотреть. Опуская руку, Чу Яо скользнул пальцами по его переносице и коснулся губ.

Он слегка прижал их подушечкой пальца — жест был настолько быстрым и легким, что посторонние ничего не заметили. Цзюнь Жухэн, чье восприятие сейчас притупилось, лишь слегка озадаченно склонил голову набок.

Сохраняя абсолютное бесстрашие, Чу Яо развел пальцы. Все увидели, как из его рук вырвался золотистый луч света, который прямо в воздухе сооткался в причудливое плетение талисмана духовной сути.

Однако среди этого чистого сияния черная струйка скверны выглядела уродливым пятном.

— Кто-то обратил духовную энергию во зло, воспользовавшись моментом, когда удар небесной кары пробил защиту его духовного моря, — негромко произнес Чу Яо. — А-Хэна просто использовали как чужое оружие. Настоящий виновник скрывается в тени.

Не успели его слова отзвучать, как талисман яростно задрожал. Иностранная черная дымка отделилась от золотого света и, подобно пущенной из лука стреле, пронеслась над головами собравшихся, скрывшись в теле мертвой лисы, неподвижно лежавшей на краю площади.

Цзян Цзе побледнел как полотно и, дрожащей рукой указывая на труп зверя, хрипло спросил:

— Что... что это такое?

Всем было известно, что наследник принца Яня, Чу Янь, с самого детства держал при себе беломордого лиса, который бесследно исчез после разгрома при Цзичжоу.

Внезапное появление зверя в Императорском храме предков в сочетании со словами Наследного принца прямо указывало на то, что случившееся — спланированный заговор.

— Мятежные псы никак не успокоятся. Осмелиться на такое святотатство в самом Храме предков... Видно, слухи о предательстве принца Яня возникли не на пустом месте.

— Жаль только государственного наставника. Пострадал ни за что, без вины виноватый...

— Не спешите с выводами. С духовными силами даоса Юйсуна какая-то жалкая лиса-демон не смогла бы так просто обвести его вокруг пальца. Тут явно скрыто нечто большее.

Чу Яо бросил бесстрастный взгляд на обезображенное тело Юйсуна.

«Судьба без удачи... — мысленно усмехнулся он. — Великий государственный наставник, некогда столь всемогущий, вряд ли мог предположить, что его собственное пророчество в итоге обернется против него самого».

Под шепот испуганных придворных лицо императора Вуле потемнело от гнева.

Раз уж дело приняло такой оборот, ему оставалось лишь приказать провести тщательное расследование. Даже если лису-демона придется содрать шкуру живьем, чтобы доказать его способность туманить разум, император не мог позволить сплетням очернить его собственное имя.

Проводив взглядом Тушаня, которого уволокли прочь, словно дохлого пса, Чу Яо покрепче прижал к себе юношу. Лишенный сил Цзюнь Жухэн больше не мог держаться на ногах. Демонические узоры на его коже начали бледнеть, а сам он согнулся и шумно выплюнул сгусток темной крови.

Несколько алых капель скользнули на белый воротник и подбородок Чу Яо, прочертив яркий след на его бледной коже.

— Прости... я не нарочно, — слабо пробормотал Цзюнь Жухэн. — Позволь, я вытру...

Чу Яо лишь мягко улыбнулся. Надежно придерживая юношу за талию одной рукой, он позволил ему опереться на эфес своего меча.

— Не нужно. Тебе придется еще немного потерпеть.

Сжав теплую рукоять меча, Цзюнь Жухэн едва заметно коснулся ее пальцем.

— Как бы то ни было, духовная птица пролила кровь, и это неоспоримо, — веско пресек все шепотки император Вуле. — Государственный наставник погиб без вины. Если мы не совершим правосудие по всем правилам закона, как я смогу предстать перед духами предков? Стража!

Гвардейцы Цзиньивэй хлынули на площадь, обнажая клинки, которые зловеще сверкнули на солнце.

— Взять его!

Чу Яо даже не дрогнул.

— Смерть даоса Юйсунa наступила из-за отдачи ритуальных талисманов, — твердо произнес он. — К тому же, смертельный удар нанес я сам. Эта кровь ни в коем случае не должна лечь на А-Хэна. Если отец-император желает покарать виновного, я приму всю ответственность на себя.

Цзюнь Жухэн замер в изумлении.

Чу Яо убрал руку и небрежно стер кровь со своего подбородка.

— Предки видят всё с высоты, и никто не рассудит нас справедливее, — понизив голос, добавил он. — Отец, прошу, подумай дважды.

Император Вуле на мгновение лишился дара речи, но тут же гневно рассмеялся:

— Если наши великие предки увидят, как Наследный принц ни во что не ставит государя и отца, защищая чужака и смея перечить мне, не начнут ли они оплакивать судьбу империи, оставленной столь недостойному преемнику?!

Слова прозвучали подобно грому среди ясного неба. В них читалась недвусмысленная угроза лишить принца престола.

На площади перед Императорским храмом воцарилась зловещая тишина. Хотя дождь прекратился, тяжелые тучи над головами собравшихся так и не рассеялись. Потрепанные знамена на алтаре яростно бились под порывами ветра — невидимая буря только набирала силу.

Чу Яо взглянул на испачканные кровью пальцы, на мгновение задумался, а затем спокойно, все с той же мягкой полуулыбкой произнес:

— Я должен повиниться перед отцом-императором. По моей оплошности одна важная деталь осталась несказанной. Мы с А-Хэном уже заключили Контракт согласия сердец. Если с ним что-то случится, я разделю его участь.

Эти слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Глядя на вытянувшиеся от изумления и ужаса лица придворных Великой Инь, Цзюнь Жухэн искренне поразился их реакции.

«Да ладно, чего они так переполошились? — недоумевал он. — Тот, кто знает суть дела, поймет, что на меня просто повесили магический маячок. А со стороны можно подумать, будто мы с Чу Яо брачный союз заключили!»

Император Вуле побледнел от ярости:

— Ничтожество! Между миром смертных и духовными сущностями лежит непроходимая пропасть! Совершив подобное, ты хоть подумал, как это оскверняет честь императорского рода?!

Выслушав эту гневную тираду, Цзюнь Жухэн запутался окончательно. Неужели Контракт согласия сердец таил в себе какой-то иной, неизвестный ему смысл?

Чу Яо не стал оправдываться.

— Что сделано, то сделано, — отозвался он. — Неужели отец-император готов пожертвовать жизнью собственного сына ради смутных подозрений и призрачного гнева?

— Ах ты!.. — слова застряли в горле императора Вуле.

В этот момент в небе раздался пронзительный клекот. Почтовый сапсан, каких обычно использовала армия Великой Инь для срочных донесений, плавно спикировал вниз и опустился на плечо Вэнь Каня.

Вэнь Кань поспешно отвязал от лапы птицы бамбуковый тубус с посланием. Быстро пробежав глазами строчки, он изменился в лице.

— Ваше Величество, есть вести... — прошептал он на ухо императору. Вуле нахмурился и резко бросил:

— Ступай за мной.

Цзюнь Жухэн, не на шутку встревоженный происходящим, невольно ухватился за широкий рукав Чу Яо.

Чу Яо обернулся и склонился к его лицу, едва не касаясь губами уха.

— Не беспокойся, со мной ничего не случится, — тихо выдохнул он.

Приблизившись еще на миг, он уловил исходивший от шеи юноши густой, пьянящий запах свежей крови и прошептал:

— Твоя кровь запятнала мои белые одежды, А-Хэн. Так что теперь тебе придется отвечать за меня до самого конца.

Кончики ушей Цзюнь Жухэна мгновенно вспыхнули пунцовым цветом. Глядя на это, Чу Яо невольно задался вопросом:

«Интересно, а крошечная родинка у него за ухом сейчас горит столь же яркой киноварью?»

Как только они остались наедине в покоях, император Вуле сбросил маску благодушного правителя. С помрачневшим лицом он процедил:

— Не думай, что этот ваш Контракт согласия сердец спасет его. Если я захочу стереть этого мальчишку в порошок, у меня найдется сотня способов сделать это чужими руками.

— Я бы не посмел пойти против воли отца, — ровно ответил Чу Яо. — Однако я полагаю, что сейчас жизнь духовной птицы необходима вам, чтобы окончательно закрепить вину мятежного дяди Линьюя. В застенках императорской тюрьмы любой заговорит так, как вам нужно. Было бы время.

Император Вуле резко поднялся с места:

— Наглец! Ты забываешься, с кем ведешь беседу!

— Ни в коей мере, — с безупречной почтительностью отозвался Чу Яо. — Просто весть, принесенная сапсаном, пришла из Ганьчжоу, верно? От дяди Линьюя наконец появились новости.

После поражения при Цзичжоу и гибели наследника принца Яня прямых доказательств причастности самого Чу Линьюя к заговору не нашли. Однако его поспешное бегство сразу после трагедии красноречиво говорило само за себя. Император объявил его в розыск по всей стране, но до сегодняшнего дня ищейкам так и не удавалось напасть на след беглеца.

Руки императора Вуле, спрятанные за спиной, невольно сжались в кулаки. Далеко не каждый обладал способностью ведать о том, что происходит за тысячи ли от столицы.

Хотя Наследный принц по-прежнему послушно стоял у подножия возвышения, в этот миг императору показалось, будто они поменялись местами.

Ему всегда не нравилось это лицо, ни капли не походившее на его собственное; втайне он даже ненавидел его. Но Вуле и в страшном сне не могло присниться, что когда-нибудь при взгляде на собственного сына он почувствует липкий, холодный страх.

Для любого самодержца признать собственную слабость — испытание, требующее немалого мужества и великодушия.

К несчастью, император Вуле не отличался ни тем, ни другим, а потому его страх мгновенно перерос в слепую, жгучую злобу.

Резко подобрав полы роскошного халата, он шагнул к Чу Яо и наотмашь ударил его по лицу. От тяжелой пощечины у принца зазвенело в ушах. Однако он даже не покачулся и, вопреки ожиданиям отца, не склонил головы. Вместо этого он спокойно продолжил, четко выговаривая каждое слово:

— Ганьчжоу — это вотчина главнокомандующего Ван Ту, верного сторонника покойного принца Хань. Бегство дяди Линьюя именно туда... Полагаю, отец-император прекрасно понимает, чем это грозит.

Чу Яо поправил съехавшие очки в тонкой оправе. Его пальцы мимоходом коснулись кончика носа — едва уловимый аромат, все еще исходивший от кожи, заставил его на долю секунды отвлечься от разговора.

— Ваша кампания по упразднению уделов длится уже несколько лет. Помимо открытой силы,

вы часто использовали самих князей для борьбы друг с другом. Среди вассалов бывших земель Хань заговорщиков хватало, да и среди тех, кто присягнул на верность короне, полно таких приспособленцев, как Ван Ту. Сейчас, когда гарнизоны Хань ослаблены и обескровлены, а новые силы туда так и не направлены, старые мятежники уничтожены, но вместе с тем исчезли и оковы, сдерживавшие Ван Ту. Отец, вы можете поручиться за их верность сегодня, но уверены ли вы в завтрашнем дне? Появление беглого принца Яня в Ганьчжоу — не явный ли это знак для начала нового бунта?

Вся инициатива в разговоре безраздельно перешла к Чу Яо. Императору Вуле ничего не оставалось, кроме как следовать за его мыслью.

— Наследный принц полагает, что необходимо как можно скорее направить туда войска для восполнения бреши?

— Отец-император зрит в корень.

Вуле прищурился, в его глазах вспыхнуло подозрение:

— Неужели ты все еще лелеешь надежду возродить величие клана Юй?

Уголки губ Чу Яо дрогнули, и он не сдержал тихого, горького смеха:

— Возродить клан Юй?

— В трагедии у заставы Сюаньцяо принц Цяньцю пал на поле боя, защищая страну, а от тридцатитысячной армии семьи Юй осталось едва ли больше сотни калек. Мой дядя лишился руки и медленно угасает от действия яда Саха. Даже если вы осыплете его золотом и титулами, ему не суждено прожить и пяти лет. У клана Юй не осталось наследников. Какой мне смысл поддерживать пустую, разваливающуюся скорлупу?

Величайшая трагедия поднебесной — когда чистейший, бесценный нефрит пачкают грязной клеветой, а верные слуги государя погибают, безвинно заклеянные предателями.

Эти слова задели императора за живое, и на его лице проступило явное раздражение.

— Если дело не в клане Юй, то зачем тебе разгребать этот ворох проблем? Какую выгоду ты ищешь для себя?

— Моя просьба ничтожна, — спокойно ответил Чу Яо. — Я лишь хочу, чтобы отец-император сохранил жизнь духовной птице и позволил ему остаться со мной.

Вуле не ожидал от Наследного принца подобного упрямства. Он криво усмехнулся:

— Мой сын никогда не отличался слабостью к плотским утехам и праздной роскоши.

Чу Яо слегка потер подушечки пальцев.

— Я лишь считаю, что духовная птица отмечена волей Небес и любима народом. Оберегая его, мы храним благословение и величие Великой Инь.

Разумеется, император Вуле не поверил ни единому слову.

— А что, если мне плевать и на волю Небес, и на чаяния черни?

Чу Яо сделал шаг вперед и приблизился к императорскому столу. На нем ровной стопкой лежали только что доставленные донесения о бунтах среди сдавшихся военачальников. Некоторые из них Вуле даже не успел распечатать.

Не спеша, принц разложил свитки один за другим. Вся поверхность стола запестрела выведенными алой тушью иероглифами «Срочно!».

— В таком случае останется лишь наблюдать, как быстро эти термиты подточат и обрушат колосс величия Великой Инь.

— Ты смеешь мне угрожать?! — тяжело дыша от сдерживаемой ярости, выдохнул император.

Стоявший за порогом евнух Чэнь Чживэй мгновенно рухнул на колени. Цзян Ли безмолвно опустил на одно колено рядом с ним.

И внутри покоев, и снаружи воцарилась гробовая тишина.

Лишь Чу Яо оставался абсолютно спокоен. Он отвесил глубокий, исполненный почтения поклон:

— У отца-государя и у меня разные ценности. Вы жаждете вечной власти над империей, мне же нужна лишь жизнь одного-единственного человека. Прошу, отец, внимли моей мольбе.

Бамбуковая занавесь трижды тихо стукнула о косяк. В приоткрытое окно ворвался теплый порыв ветра, принесший с собой свежий, чистый аромат омытой дождем земли. Этот легкий вздох природы вовремя разрядил удушливое напряжение в комнате.

— Хорошо, — наконец сквозь зубы процедил император Вуле, уступая. — Я пощажу его. А теперь, Наследный принц, говори: как ты собираешься распутывать этот узел?

<http://bllate.org/book/18274/1750191>